

Культура и власть в исторических обстоятельствах

Если по собственной слабости, граждане, вы пострадали, То не вините богов в этом несчастье своем.

Солон

Видел во сне, что мне говорит кто-то: «Помни, что ты едешь, а не стоишь. В этом все».

Лев Толстой

О культуре и власти уже много писалось, поэтому следует, пожалуй, предупредить взыскательного, глубокомысленного читателя, что предлагаемый материал не является следствием аналитической работы, предполагающей изучение истории вопроса, сопоставления различных мнений, чтения специальной литературы, раздачи оценок и уже затем выявления и объявления собственной «точки зрения». Ни на что подобное не претендую, а основываюсь на собственном опыте жизни, включающем, естественно, и чтение книг, и размышления над текстами, а следовательно, предполагающем некоторый объем исторической памяти. Еще мой опыт жизни включает более чем четверть века работы в теоретических и политических журналах и сотрудничества с журналами, что заслуживает отдельного, специального поворота темы.

Подобно всякому другому индивидууму, автор на всем протяжении существования в обществе обязан был усваивать, сопрягаться, включаться, сотрудничать, подчиняться определенным влиятельным реалиям, названным культурой и властью. Иногда сотрудничать и подчиняться, иногда предпринимать усилия по освобождению от некоторых стандартов мысли и жизни. За время этого сотрудничества-освобождения мне довелось трижды праздновать наступление зари новых времен – принятия новых конституций. Еще чаще внутри конституций менялись системы политической власти, а с ними радикально менялись и системы права.

Так радикально, что правонарушение, ранее по закону повлекшее бы «высшую меру социальной защиты», ныне признается если не достойным подражания, то вполне терпимым.

Волны быстротекущего времени несли новых правителей и новых слуг правителей; течением сносило прежние нравственные маяки и бывшие культурные ориентиры. На куски разбивались скрижали. Менялась власть, менялась культура! Интересно знать, менялся ли я сам? Есть смысл порассуждать о культуре и власти вне меня и о культуре и власти во мне. Или, если угодно, об Истории вне меня и об Истории во мне.

Позвольте объяснить начало статьи, ее эпиграф. Солон являл собою очень удачное, кажется, самое удачное сочетание культуры и власти, поэзии и законотворчества. Бывало, разумеется, что служители культуры проявлялись в политике, как философ и лорд-канцлер Фрэнсис Бекон, или писатель и вице-губернатор Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, или живописец и член тайного совета Питер Пауль Рубенс, но чаще служители предпочитали воспитывать и наставлять правителей. Правда, многие работали на дипломатию и на разведку, участвовали в войнах.

Властители, со своей стороны, иногда баловались сочинительством, писали, например, стихи, как Нерон, или пьесы, как Екатерина Великая, но не тем они были прославлены. Наши правители также пытались отдать дань художественному творчеству, сочиняя легенды под названием «Мемуары». Это тем более удивительно, что последним из них, кто держал перо в руках, был тов. Сталин.

Итак, по свидетельству Аристотеля, граждане Афин, вдохновленные понравившейся элегией Солона, в 594 г. до Р.Х. объявили его архонтом и поручили реорганизовать государственное управление. К тому времени древнейшая область Ионии раздиралась противоречиями, сотрясалась войнами. Солон совершил настоящую государственную, сословную, имущественную, законодательную революцию. Он стремился побудить граждан к политической самодеятельности, соединить нравственность и законность, для чего всячески поощрял умственное образование. Например, рекомендовал всем читать Гомера (не исправленного, без купюр), а трагедии Феспида запретил к постановке. Как видим, не обошлось без цензуры.

Солон разделил граждан на четыре сословия и уравнил всех в гражданских правах. Он с состраданием относился к нужде бедняков и обрушивался на жадность и произвол богачей. Он отменял долговые обязательства и охранял имущих от чрезмерных потерь, т.е. стремился соблюдать справедливую меру. За подробностями отсылаю к классическим трудам – третьему тому Фридриха Любкера «Реальный словарь классических древностей» (М., 2000) и книга «Эллинская культура» Ф.Баумгартена, Ф.Поланда, Р.Вагнера (Минск–Москва, 2000).

Кажется, что за два с половиной миллениума Солон утратил актуальность. Не думаю. Ему открывалась прямая дорога в тиранию, а он допустил народ к управлению и предпочел законотворчество. Цитированные строки он продолжил следующим образом:

Сами взрастили тиранов и дали им силу и крепость.
Ныне же стонете вы, тяжкое иго влача.

Но скажите, нашему демократическому обществу подобные предостережения совсем уж излишни? Я бы не стал торопиться. Так ли уж далеко ушли мы с современниками от былого, сталинского, индустриально-феодального социализма? Всего полвека назад мои соотечественники надрывались в прославлении Вождя.

Теперь хочу отметить один парадокс нашего современного политического сознания, современной отечественной политической культуры. Насколько я могу наблюдать, читать и слышать, мой современник редко приходит в восторг от нынешнего общественного устройства; мягко говоря, он мало ценит административную власть, не любит законодателей, суды и прокуратуру, не уважает органы милиции; когда внезапно отправляли в отставку (на «перетасовку», «метонимию») правительства, он тоже не плакал. Но вот что странно: по необъяснимым причинам мой современник до небес вздымает рейтинг и превыше соперников почитает того, кто по должности, по службе более других отвечает за это его неудовольствие видеть «наше все», за постоянное неуважение всего. То есть верховных лиц государства и правящей партии.

Однажды, во времена своего президентства, Путин Владимир Владимирович, выступая в ближнем зарубежье, успокаивая слушателей, утверждал, будто СССР – это великая и трагическая, но уже перевернутая страница истории. Может быть, выступая в ближ-

нем зарубежье, он и должен так говорить. Только для многих, для меня в частности, эта страница истории еще не перевернута; даже страница истории под названием «1917 год» еще не перевернута – никак не можем определить свое отношение к революции. У нас в Отечестве сталкиваются еще красные и белые, можно отыскать большевиков-ленинцев и большевиков-сталинцев, антикоммунистов, монархистов, а если как следует покопаться, то и троцкистов, не говоря уже о социал-демократах и анархистах. А славные страницы истории СССР, вроде Победы в войне и полетов в Космос, вообще никогда не следует сдавать в архив. И с территориями, и с акваториями прежнего государства далеко еще не все ясно. Кому там кто, когда, что и за что подарил? И что кому отошло по пьяному блиц-договору в Беловежской пуще?

Весьма скептически относившийся к демократии Иммануил Кант (иностраный почетный член Петербургской академии наук) полагал конституцию актом общей воли, которая из толпы делает народ. Стремительная смена отечественных Конституций заставляет усомниться, что все они являлись народу как акт его общей воли.

Николай II полагал себя «хозяином земли русской», Фридрих II утверждал, что он «только высший слуга государства». Кажется, они таковыми и были, сообразно своему времени и представлениям о народном благе. Советские вожди называли себя «слугами народа», а были фактически хозяевами, *собственниками* народа. Собственником народа было и возглавляемое ими государство или партия-государство. При Сталине подданные «граждане», если не сидели в лагерях и застенках, образовывали народное единство, голосующее по команде «гражданское общество». Разное случается единство. Ныне «гражданское общество» попало в мечты и пропагандистский арсенал власти. Так же как и «правовое государство». Вообще говоря, они возможны только в единстве, в отдельности не существуют. Если же государство и право разъедается коррупцией, нужно очень пылкое воображение, чтобы назвать все это народовластием.

Виктор Хара пел: «Когда народ един, он непобедим!» Народ Чили приобрел собственника, приобрел новую форму единства, и Виктора Хару зверски убили на стадионе в Сантьяго. Победили хунта и другие собственники из Соединенных Штатов.

Вовсе не хочу сказать, что собственники в СССР всегда плохо управляли собственностью. Автор, к примеру, получал бесплатное образование, как и прочие его современники (об обязательных взятках услышал только в наши дни), бесплатно лечился и пользовался дешевыми лекарственными средствами. Были ученые, которые «удовлетворяли собственное любопытство за чужой счет», как выразился один физик. Избирательное право значительно продвинулось по сравнению с дарованным государем императором избирательным «Законом» 1907 г. – тогда оно было «всеобщим», за исключением «детей, женщин и малых народов». Народные массы как-то не особенно на этот дар «неограниченной монархии» отреагировали после «стольпинских галстуков». Зато впоследствии вот что пробудило интерес к Царскому Дому: «Царь-батюшка с Егорием, а царица-матушка – с Григорием...» В Думе знали, что это неправда, но вспоминали Гая Юлия: «И подозрение не должно касаться жены Цезаря» (*Шульгин В. Годы. М., 1979. С. 304*).

При советских вождах не создали, правда, «олигархов» и чемпионского количества банков, зато создали самую сильную сухопутную армию тогдашнего мира, творили науку и будущих нобелевских лауреатов; в индустриальных количествах производили чугун, сталь и сплавы, машины, турбины и электроэнергию, которая крутит турбины и моторы машин, разведывали и добывали газ и нефть. Все, чем мы сегодня пользуемся, не умея создать ничего собственного. Ну, почти ничего. Зато власть сумела наделить себя собственностью, по дешевке присвоить, продать или раздать все ранее созданное случайным людям, согласно сотворенному разрешительному законодательству. Упомянутый Кант не зря предупреждал: законы запрещающие выражают необходимость, законы дозволяющие выражают случайность.

Власть в России погрузилась в стихию случая, то же и отпущенное на «свободу» хозяйство. Как поганки на гнилом пне, возникают и разоряются банки, внезапно возникают и внезапно исчезают премьер-министры, а с ними и просто министры, что происходит в тайной администрации, неизвестно, но, надо полагать, как уже не раз случалось в России, воруют. Раньше партийцев упрекали в том, что они своей некомпетентностью, непрофессионализмом мешают нормальному функционированию хозяйства и государства. Ныне настало время профессионалов и можно пере-

текать из партийцев-думцев в главные милиционеры и обратно в Думу, из олигархов в тюрьму, из прокуратуры в баню, из воров в губернаторы, из губернаторов в могилу, из Чукотки в «Челси», из творца ваучеров в главные энергетики.

Только народ опять оказался в собственности, и пока такое положение дел сохраняется, он не застрахован ни от авторитаризма, ни от диктатуры, ни от тирании, какими бы маловероятными они ни казались сегодня. Теперь дело каждого из подданных решать, какой из собственников более радел о народе, кто его более рачительный хозяин. Нас постоянно призывают сравнивать, указывая или на процедуру выборов, или на прилавки магазинов, или на пустые карманы. А по мне, ответ не имеет особого значения.

Прежняя власть по-своему радела о своей собственности, но зато когда совершала глупость или даже преступление, спросить с нее было некому. Мы до сих пор обитаем в пригородах Арзамаса-16, Красноярска-26, Челябинска-40 и других, живем рядом с радиоактивными озерами, у реки Теча и прочих; у нас по этому поводу проблемы с генетическим кодированием жизни. Особый разговор – Чернобыль. На космодромах Байконур и Плесецк терпели аварии некогда «абсолютно надежные» ракетоносители. В 1999 г. загорелись и рухнули два «Протона». Говорят, что от грязи, набившейся за время хранения. Выполнить программу, пожелание Игоря Курчатова: «Сделать работу за дьявола и остаться человеком» – оказалось сложнее, чем он предполагал.

Есть, несомненно, нужда в государственной тайне и в производственных секретах, но какая государственная тайна заключена в радиоактивных болотах, керосиновых подземных озерах, в чумных курганах, в кародирующих емкостях с бактериологической дрянью, которыми забили моря Баренцево, Охотское, Японское? Скорее, это личные и частные секреты верховных государственных управителей.

Власть и без Федора Михайловича Достоевского, Ивана Карамазова и без Великого Инквизитора знала, что надо делать, чтобы люди «принесли им свободу свою и покорно положили к ногам», знала, как могут они «побороть свободу и сделать так для того, чтобы сделать людей счастливыми». Оттуда же родом и сегодняшние властители: «Свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделить-

ся между собой», зато народ без руководителей способен «ниспровергнуть храмы и залить кровью землю». А в «чудо, тайну и авторитет» как в неотъемлемые слагаемые власти, о чем учил Христа «Великий Дух пустыни», равно веровали и прежние советские руководители и веруют нынешние «свободно избранные» их наследники. Правда, по-иному истолкованные чудо, тайну, авторитет.

При былом политическом режиме власть в честолюбивой борьбе за специфически истолкованную мировую гегемонию бездумно разбрасывала народные деньги по континентам. Следы денег можно отыскать в Европе, в Азии, в Малой Азии, в Южной Америке, в Африке. Деньги «перевели» без всякой надежды на возврат. Мнение «народа», как обычно, никто не запрашивал.

Мои старые владельцы дарили финансовую и иную поддержку своим зарубежным друзьям-соратникам, мои новые хозяева брали в долг у своих новых партнеров. И те, и другие дарили и берут от моего, налогоплательщика, имени. Не вижу между двумя акциями непроходимой пропасти, неразрешимого противоречия. И в том и в другом случае деньги из России утекают бесследно. При этом мы еще недавно тратили на образование один млрд долларов в год, а поставляли за рубеж двадцать. Сколько поставляем сегодня, мне не известно. Или вот «мелкий», характерный (не единственный) пример: 4,8 млрд долларов, одолженных в МВФ в конце миллениума, бесследно исчезли из российской финансовой системы, надо думать, растворившись в зарубежных банках, на неких зарубежных счетах отечественных специалистов по финансам. На чьих счетах – это тайна. Тайна, но не чудо.

Чудо в том, что сама операция по «освоению» 4,8 млрд и имена владельцев счетов остались тайной для наблюдателей, для авторитетов из ФСБ, МВД, Совета Безопасности, Счетной палаты, думских комитетов, Администрации Президента, Правительства. Чудо, что при таких прожекторах, при таком рентгеновском просвечивании, при таком количестве микроскопов судьба займа осталась тайной и для самого большого авторитета – для тогдашнего президента РФ.

Мысль не хочет мириться с такой несправедливостью, и очень хочется поискать оправдание президенту. Вот оно: «Каждый народ имеет то правительство, какого достоин», так утверждал граф Жозеф де Местр. Так же учил Солон: «Если по собственной слабости...» Вернемся к Солону. К культуре и к власти.

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.

Так отнесся Пушкин к элегической поэзии, написав элегическое двустишие.

Солон творил культуру и власть за шесть сотен лет до Рождества Христова, а в момент Рождества покровитель бедных и строитель (способствующий созданию) знаменитого Храма в Иерусалиме приказал вырезать всех младенцев в Назарете, Вифлееме и окрестностях. Вырезал из-за проблем с властью. Речь идет о христианском предании и об Ироде Великом. Через два с половиной века после Солона его поклонник Аристотель воспитал Александра Великого. Александр сравнивал с землей крупнейший центр эллинской культуры со всеми его философами и культурными достижениями – Фивы. Восемь тысяч убил, остальных жителей продал в рабство. Все из-за того, что не поделил с фиванцами власть. Он же по сходному поводу спалил величайшее архитектурное произведение древности – царский город-дворец Персиполь. Надо думать, что, если бы в Египте его встретили менее радушно, Александр Великий велел бы растащить по камням пирамиды.

В нашей русской варяжско-славянской истории не один только Святополк Окаянный превyšал в борьбе за власть предписания тогдашней кровнородственной культуры. Не македонский, а русский Александр, победитель шведов и немцев в 1252 г., навел, согласно изысканиям современного историка А.А.Горского, войско Бату на не пожелавшего служить Александру и монголам брата Андрея Ярославовича. То, что заповедовал Ярослав Мудрый, отбросили дети Ярослава Второго. За попытку Андрея создать антиордынскую коалицию войска Непрюя разорили «только» окрестности Переяславля и Владимира. Правда, согласись Александр с Андреем, монголы учинили бы погром еще больший.

Убийство отцами царевичей, царей женой, сыном (или при попустительстве жены и сына), а также «массаами» или их представителями – отдельная строка российской истории. Известно, что лояльный к императорам Василий Андреевич Жуковский предсказывал в дневниках, что «бесчувствие дворянства приведет к гибели императоров и Россию».

Это власть, а что же культура?

Шопенгауэр утверждал, что «если бы древнему греку показали величайшие соборы Европы, он счел бы их проявлением законченного варварства». Не уверен, что это правильная догадка. То, что мы сгоряча называем древностью, являет большую широту кругозора. Вспомним и сообразим: импульсам античности (и обновленному взгляду на ценности) обязаны Возрождение, Просвещение, барокко, романтизм. Античность смотрит с художественных полотен с тех, по крайней мере, времен, когда так называемый «мандилион» или «образ на плате» (царь Авгарь заказал будто бы прижизненный портрет Христа художнику, а получил послание от самого Иисуса, который приложил плат к лику и уже это «нерукотворное» произведение отправил Авгарю) уступил место художникам. С тех пор, когда Леонардо да Винчи в «Трактате о живописи» заявил, что в «художественном образе» как живая содержится идея и с таким образом не способны сравниться «все взятые вместе Писания». Не удивительно, что универсал Леонардо, когда поступал на службу к миланскому герцогу, отдельным пунктом указал на свои живописные способности, кроме того что рекомендовал себя механиком, фортификатором, лекарем...

Леонардо подводил итог власти былого образа и власти былой теологии, вовсе не умаляя былого – не мог же он выступать против иконописи св. Луки – он провозгласил наступление новой идеологии, новой реальности в культуре. Леонардо провозгласил появление новой власти: в человеческой истории воссияло Искусство. Вернее, воссияло в европейской истории и воссияло, возвращаясь к былому античному свету, после ряда веков, которые посчитали «темными». Опять приходится отсылать читателя к фундаментальной книге: Бельдинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства (М., 2002).

Политическая власть, как и любая другая, вообще никогда не отказывалась от услуг искусства, заказывая и проникая не только в сознание живописцев. Ей всегда служили ритмы и гаммы, гимны и псалмы, хоры и хоралы, а также «музыка в камне» – архитектура. Еще во власти и рядом всегда присутствовало художественное слово. В стихах или в прозе. Не герцог поступал на службу к Леонардо да Винчи, а Леонардо описывал свои достоинства герцогу.

По большому счету, в глубине существования единение власти и культуры понятно, полезно, необходимо. Обе уходят корнями в биологическую историю, обе «от Бога», обе творят порядок в человеческих сообществах. С древнейших времен, с Шумера и Вавилона, власть создавала социальные иерархии, собирала налоги, создавала города и, как следствие, – храмы. Но в разных сообществах, в разные времена власть и культура творили разные порядки. Как сказано: «Ты едешь, а не стоишь».

В старину в Риме создали систему права, которая легла в основу правовых кодексов Нового времени, а значит, она присутствует в правовых понятиях и правовых порядках новейшего времени. Правда, в древнем Риме не только творили кодексы, но и бросали христиан на растерзание львам. «Камо грядеши...» Прошли века... В Риме последовал заказ на новый кодекс.

На протяжении XIV и XV вв. почти каждый папа («духовная власть») издавал буллы, направленные против чародейства и определенных лиц, и определенных групп, но их буллы еще отделяли простое колдовство от еретического и не упоминали инкубов, шабаши, перемещения и прочие достижения католической мысли. Наконец, вспомнили Священное Писание, где сказано: «Ворожеи не оставляй в живых» (Исх. 22, 18) и окончательно приравнивали чародейство и черную магию к ереси. Джованни Батиста Цаго, папа Иннокентий VIII издал буллу, послужившую предисловием к «Молоту ведьм», каковой «молот» он и заказал сочинителям. Благодаря изобретению Гуттенберга булла разошлась по странам, городам и весям, вошла в «Корпус канонического права» и утвердилась в качестве единого Закона для инквизиторов. Сэр Вальтер Скотт назвал ее «набатом против страшного преступления».

Написанный деканом Кельнского университета Яковом Шпренгером и приором Генрихом Крамером (Инститорис) «Молот» был издан в 1486 г. и многократно переиздавался не только в своем родном, но и XVI в. **Считается, что существует, по крайней мере, 16 немецких, 11 французских, 2 итальянских и несколько английских изданий.** Произведение настаивало на необходимости осознания должностными лицами гнусности колдовства, а неверие в колдовство провозгласило неверие в Библию. Через четыре стиха после цитированного в Исходе сказано: «Пришельца не притесняй и не угнетай его...», через пять: «Ни вдовы, ни сироты

не притесняйте...». «Молот» стал источником вдохновения для последующего творчества и для костров, где горели и пришельцы, и вдовы, и сироты.

Справедливости ради стоит отметить, что практику сожжения духовные и светские суды основывали не только на творении Шпренгера и Инститора. Сам светоч католического христианства блаженный Августин из Тагаста, чье потрясенное воображение рисовало видение «Града Божьего», одновременно учил, будто «каждый язычник, еврей, еретик и раскольник отправится в вечный огонь, который приготовлен Дьяволом и его ангелами». Эта установка широко цитировалась во времена разгула массовых «спасений огнем». Учение Августина пополнял еще более знаменитый Фома Аквинский – один из пяти великих теологов церкви – большой поклонник преследований за неправильные убеждения, точнее, как мы понимаем, за неверие в его убеждения. Свирепый трактат «Демонomanия» (Париж, 1580) написал гуманист Возрождения Жан Боден.

Когда на Западе догорели костры и Рене Декарт учил сомнению, дуализму души и тела, «первотолчку» (что очень не нравилось великому механику, тайному алхимику и монотеисту Ньютону), рационализму и методу, создавал «теорию вихрей», закладывал основы аналитической геометрии, у нас в России яростно спорили – креститься ли двумя или тремя перстами и в связи с этим сначала законопатили на пятнадцать лет в земляную яму в Пустозерске, а затем в 1682 г. и вовсе сожгли сочинителя и нравоучителя, кроткого и неистового протопопа Аввакума Петровича. «За великие на царский дом хулы» царь Федор Алексеевич повелел протопопа спалить. Так завершил жизнь «ревнитель благочестия», противник церковных реформ, инакомыслящий Аввакум. Перешел дорогу власти Алексею Михайловичу Тишайшему, его наследнику царю Федору и патриарху Никону. Впрочем, и сам Никон за идею «симфонии государства и Церкви» был подвергнут поношениям и гонениям. «Симфония» ограничивала власть Царя. Поиски Симфонии продолжаются и ныне.

А между прочим, на русской земле всегда с особым почтением относились, с особым тщанием читали и переписывали Иоана Златоуста.

Как уверяет в «Предисловии» к его творениям С.-Петербургская Духовная Академия (в 1898 г.), его книги и чтение их было любимым занятием наших предков, собиравших творения в «Златоструи» и «Измарагды» и почерпавших из них невыразимую «книжную сладость».

Златоуст, в частности, проводил: «Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любованием монашеской жизни». Монахи «Измарагдами» иногда, возможно, и любовались, а цари – вряд ли. Богатство и власть он учил «презирать, как ничего не стоящие», а монашеские добродетели ценить «как постоянные привязанности и спасительные» (*Иоанн Златоуст*. СПб., 1898. Т. I. Ч. I. С. 125).

Дело в том, что кроме архиепископа Константинопольского предки наши читали еще иных писателей. Здесь не ставится под сомнение выдающаяся роль религии в становлении нравственного сознания, однако, случалось, что и брели они по историческому бездорожью, и скакала телега прогресса едва не на каждой колдобине. Православие, скажем, миновала инквизиция, но через короткое время после казни Аввакума местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский подарил верующим «Камень веры» и мысль, согласно которой «еретик не заслуживает иного наказания, паче смерти». С такими отклонениями завершалось становление православного человека: идеи превосходства Души над телом, культуры Души, свободы воли или «самовластия». У старообрядцев, предшественников по вере православные языки выдирали и к другим родственным во Христе конфессиям относились не лучше, чем шииты к сунитам. Словом, как откровенно писал Омар Хайям: «Из жемчуга молений я четок не связал». Может быть, головоруб Петр Великий неспроста отменил патриаршую власть? Отменил вековые споры «священства» и «царства», так сказать, упразднил разделение властей в пользу одной вертикали власти.

Иначе навряд ли ему удалось бы пересадить Голландию в Россию. Или все же ему это не удалось? Или его реформы буксовали, как наши усилия власти пересадить в Россию Америку. Сначала, мол, к заданному году надо догнать Португалию, а потом, глядишь, и Старшего Брата по экономике и демократии на-

стигнем. А может быть, будущий историк, как Василий Осипович Ключевский, будет удивляться, с какой скоростью соратники и наследники провалят дело Реформатора.

Когда сегодня приходится слышать о кризисе литературы, кризисе нравственности, падении морали, не думаю, что к этим констатациям надо относиться излишне трагически. Некоторые кризисные явления налицо, но по сравнению с каким временем мы скорбим о потере нравственности в народе? По сравнению с моралью жен декабристов – да, кое-что утратили, кое в чем проигрываем. А как быть с недавними временами, когда можно было без суда до смерти забить геройского маршала, а по суду, по указу ЦИК расстрелять четырнадцатилетнего «врага народа»? Раньше расстреляли царских детей, как известно.

Согласен с доктором Рошалем, когда он настаивает, что «хороших людей больше». Возможно, так было во все времена. Хочется в это верить. В особенности много хороших людей можно встретить среди врачей-педиатров, но вопрос не в этом. Вопрос об удельном весе «плохих» и «хороших» в социальном устройстве, об этом надо вести речь.

В сталинские времена хорошее большинство строило города и индустрию, осваивало тундру, льды и мировой океан, воевало за Родину, писало и пело замечательную музыку, творило науку, сочиняло стихи, а малое количество плохих карательных органов могло с ними поступать по своему усмотрению. Немногочисленная тайная власть могла по желанию арестовать или убить любого выдающегося деятеля культуры. Даже сторонника власти. Зачем? Затем, что так хочется, затем, чтобы провести радикальную коллективизацию культуры, объединив всех в союзы, подчинить народ единой культурно-политической задаче, затем, чтобы сплотить народ страхом для исполнения задачи. Сплотить и поддержать энтузиазм, вытравить «головокружение от успехов».

Меньшинство плохих стреляет, сажает в лагерь и тюрьмы, а хорошее большинство становится «машиной, творящей богов», если воспользоваться выражением современного французского автора Сержа Московичи. Он много приложил усилий, чтобы изучить ушедший «век толп» и объяснить «победу» толпы над героями. Как у нас в 1937 г., когда место «я» прочно заняли партия и государство, а над ними – Вождь.

Наследственность все же имеет место быть. Форум немецких и российских исследователей под названием «Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века» (М., 2002) на 90 % был посвящен 1920–1930-м гг. столетия. Время сталинизма неоднократно всплывает в моем уме и в статье, потому что все мы, сознаем это или не сознаем, его наследники. Его героических деяний и его чудовищных уродливых злодеяний. Мы являем историческую память сотворений и «творений» наших отцов, дедов и прадедов и не должны в этом качестве кончатся. То, что наши политические партии исключительно «лидерские», даже «вождистские», тоже из того времени.

Существуют люди, которые видят в принадлежности к партии необходимое условие для самореализации – в политике или на другой стезе жизни. Другие полагают, что любая партия, даже самая хорошая – это инструмент, неизбежно сковывающий личную инициативу. Понять можно и тех, и других. Принадлежность к любой партии – это «хождение во власть». Во власть партии. Власть же партии – отнюдь не только внешний диктат, она проникает в сознание, образуя внутреннюю потребность, обозначая угол видения проблем, рекомендуя способ мысли, т.е. логические посылки мысли и способ рассуждения (например, Аллаха и пророков, прагматизм и логику, материализм и диалектику). Власть становится внутренним миром человека, составляющей его культуры и ценностей, его представлений о добре и справедливости, и ему комфортно в этом его «лучшем из миров». А если ему случится напороться на какую-нибудь всеохватывающую Идею, то освободиться от нее практически нереально. Можно считать дело почти безнадежным. Требуются большие усилия по перестройке содержания сознания.

Иные же предпочитают ограничить свое отношение с властью, не связывая себя партийной дисциплиной мысли. Напротив, эмансипация собственной мысли является для них способом почувствовать себя личностью. Среди способов эмансипации можно назвать иронию, сомнение, рефлексию. «Свобода начинается с иронии», – утверждал Виктор Гюго. Ему можно верить. Ирония, надо полагать, должна распространяться и на собственные усилия понять мир и другого, а поэтому заменить или смягчить безоглядную веру в собственную непогрешимость.

Сомнение – первая предпосылка рациональной мысли, способ освобождения от диктатуры внешнего. Однако эта эмансипация небезгранична. «Я» никогда не мыслю один, но всегда вместе с незримо присутствующим во мне человечеством, со всем тем, что «я» успел ухватить из человеческих времен и пространств. Поэтому рефлексия, самонаблюдение является самым надежным средством отличить себя от другого, не раствориться в другом и поискать возможность выразить себя другому, выразить и обозначить свою манифестацию в мире. Думаю, на этом пути можно отыскать место и для изменения и для развития. Не «замыкаясь в тупое равенство самому себе» (Михаил Булгаков), признать неизбежность чужих влияний.

Среди многих видов властей существует еще самая, возможно, авторитетная власть – это власть авторитета в культуре. Скажем, вдруг бы мне пришла в голову мысль рассказать миру сон, где мне приснилось, что «я не стою, а еду». И еще бы присовокупил, что «в этом – все». Думаю, что нормальный читатель такого «откровения» был бы вправе покрутить пальцем у виска. Знаете, почему? Потому что я, подобно большинству современников, не знаю, в каком направлении, куда именно я еду. Я не знаю, а Толстой знал.

Лев Николаевич «ехал» по пути культуры, более достойному, чем путь политической власти – власти государя, которую он пытался исправить, власти кесаря и власти церкви, власти ложно истолкованного догмата, за что и был изгнан церковью из числа христиан и нравоучителей. Толстой говорил *о пути* к Богу, *о пути* к Совершенству; его крайне необходимо понять, начитавшись Ницше: «Очень многие упорны в достижении однажды избранного пути и очень немногие в достижении цели» и «Бог умер».

«Путь» Толстого – это и есть цель. Истинная жизнь по христианству Толстого есть движение к Божескому совершенству. В этом движении всякое состояние «само по себе не составляет большей или меньшей степени жизни», поскольку само совершенство недостижимо. При этом не важно, с какого пункта начато движение – с большей или меньшей степени нравственности, но человек, стоящий на более низкой ступени нравственности, но продвигающийся к совершенству, живет более полной жизнью, более исполняет учение, чем более нравственный, но к совершенству не стремящийся. «В этом-то смысле заблудшая овца дороже

отцу незаблудившихся». «Исполнение учения – в движении от себя к Богу» (ПСС. Т. 28. С. 79). Блудный сын дорожке того, кто всю жизнь в доме отца.

Не все признают правильными силлогизмы классика русской литературы, тем более не все примут их как руководство к действию. Зато все должны признать, что Путь, на который он нас зовет, гораздо лучше, правильней и моральней, чем тот, которым сегодня Россия следует в неизвестность, теряя по дороге, уменьшаясь на один миллион жителей ежегодно. «Я есмь путь», – за два тысячелетия пути последователей разделились на столбовые дороги и множество троп, иногда вполне тупиковых. Хотя, если существует «Божий промысл», то истинность любого человеческого пути относительна, а его «абсолютная самооценность» – условна. Скажем, грозный царь Иоанн Васильевич полагал, что люди должны направляться не ответственностью «друг перед другом», какая ведет к зависти, разъединению, алчности, а общей ответственностью всех перед Господом. Самого Грозного «ответственность перед Господом» привела к опричнине, беззаконию, грабёжам, деспотии и народному обнищанию. В итоге, к Смутному времени.

Теперь о работе в теоретических журналах. Чем авторы статей, я и мои коллеги-редакторы, там занимаются? Теоретизируют, понятное дело, но еще занимаются тем, что участвуют, в частности, в создании легенд и мифов. Формируют вкусы читателей и учатся у читателя, сообразовываясь со вкусом читателя и власти, конечно. Власть, как и все в этом мире, меняется и обучается. Не вижу в мифотворчестве ничего вздорного и не достойного уважения. Человеческое сознание значительно более мифологизировано, чем принято думать под влиянием успехов естественных наук и строгой математики с логикой. Мореход и воздухоплаватель пролагают дорогу кораблям, пользуясь не новейшими показаниями телескопа «Хаббл», а помещая себя и Землю в центр Вселенной, как им советует Птолемей. И математику иногда сотрясают кризисы математической культуры, а кое-что приходится принимать на веру, что отмечал еще Кант. Так что в вере и в мифе содержится много полезного. Тем более в истории во многое приходится верить, в ней нет абсолютно достоверных фактов, как нет и абсолютно беспристрастных наблюдений. Исторический трактат, событие и сочинение о событии всегда одним боком прислоняются к мифу.

Наше ограниченное сознание всегда, в любую эпоху, в любой культуре стремится дополнить мир до космической полноты, до мифа об этой полноте, используя воображения, а не только наблюдение, факт и эксперимент.

Мы, наряду с теориями, производим идеологии и утопии, и довольны, если в них светится реальность. Мы пытаемся понять нынешнее общественное устройство (идеология) с точки зрения идеального общественного устройства, которое всегда помещаем в будущее (утопия). Раньше идеальным считалось, когда «богатства общества пользуются полным потоком» и оно на своем знамени напишет: «От каждого по способностям, каждому – по потребностям». Ныне творим легенды о чистой, незамутненной власти народа и для народа.

Наряду с иными моторами культура и власть вместе наматывали на «веретено времен» единую «пряжу» жизни. Если верить великому Гёте, природе все равно, как тянется нить. Природе все равно, а Фаусту не все равно и нам небезразлично. Фаустовская культура породила много достижений и не меньше проблем критического свойства. В том числе проблем, вырастающих из достижений.

Человек, как однажды определил его Макс Вебер, «это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов». Охотно соглашаюсь с Вебером, тем более что так полагают многие. Человек-личность живет и дышит, сотворяя смыслы и значения. Процесс творчества, ко всему прочему, являет непрерывный ток «инноваций». Надо думать, что последнее слово можно, даже следует, писать без кавычек, ибо технологические нововведения в производство есть частный случай всех тех смысловых и значащих инноваций, на которых держится, стоит и движется культура-цивилизация (различение их в данном контексте несущественно).

Путь к новому продукту, технологии, услуге всегда начинается с идеи. Со смысла, который их инициирует и который не исчезает в продукте, но остается с продуктом и пользователем продукта. Когда мы выращиваем и обрабатываем хлебный злак или виноградную лозу, когда совершенствуем эти занятия, то наделяем их некими смыслами, не всегда себе во благо. Когда изобретаем такие чудеса «материальной культуры», как завоевавший мировое признание автомат Калашникова, строим раке-

тоносец или «внедряем» межконтинентальный баллистический снаряд с разделяющимися боеголовками, мы также наделяем их определенными инновационными смыслами. Представляя далее свое отношение к инновациям, отметим: тот, кто немного знаком с российской историей, скажет, что коррупция не является инновацией. Еще исторический кулак Петра Великого за воровство и взятки дробил зубы светлейшему Александру Даниловичу Меншикову. А еще раньше руки отсекали, чтобы вор не попал в Царствие Небесное, куда по верованиям тех лет таких рубленых и на порог не пускали. Все напрасно. Новшество наших дней только в масштабах воровства и коррупции, по которым наш современник превзошел и переплюнул нашу историю. Более того, мы умудрились найти в воровстве «народной», государственной собственности определенный исторический, благой, рыночный смысл.

Между тем значения и смыслы, «паутина смыслов», инновация смыслов является тем, что мы называем культурой. Смыслы составляют аспект культуры, возможно, ее главное, определяющее содержание. Так я думаю. Опасаясь, однако, что большинство культурологов потребуют исключить из культуры плохие смыслы, вроде смысла существования средств массового поражения. Это мол, не культура, а вопиющее бескультурье, а различить, где культура, а где не культура, поможет мораль, в частности, ее «золотое правило»: поступай с другим так, как хочешь, чтобы он поступал с тобой. Но вот, после двух мировых войн на одно столетие, после людорубной гражданской войны хочется как-то оградить «золотое правило» некоторыми необходимыми оговорками.

На войнах изо всех сил трудились самые высокие разделы духовной культуры – музыка и поэзия, не призывая «поступать с другим так...» и т.д. Поэтому культуру и некультуру в этих случаях различить трудно с помощью всех моральных заповедей. Общечеловеческая абсолютная мораль, бесспорно, крайне благая рекомендация, очень достойный мотив поведения, но годится не на все случаи жизни. Хотя в вере, в религиях, в мечтах абсолютную мораль следует хранить постоянно.

Пока же наша реальные, земные задачи гораздо скромнее. Сегодня научно-технические инновации готовы преподнести народонаселению планеты нанотехнологии, которые смогут значи-

тельно облегчить «технику» жизни. Это благое, в том числе, культурное начинание. Но есть оговорка. Власть совместно с научной культурой для начала намерена изобрести нанобомбу. Речь идет о моей власти и о властях «наших партнеров» за рубежом. Может быть уже изобрели, мне не докладывали. Повторяются времена, бывшие прежде нас – сначала оружие, потом приложение. Сначала атомная бомба, потом атомная электростанция. Мы настолько склоняем голову перед высотами духовной культуры, заслуженными высотами, что не замечаем ее влияний на огрехи и пороки материальные. Ее гимнов и маршей.

Я не считаю, что «патриотизм – это прибежище негодяев», я просто исповедую веру в факты, здравый смысл и рациональность.

Прошлое, история прирастает новизной, в том числе новизной обстоятельств. Когда я пишу эти заметки, у меня со двора в окно стучится «мировой финансовый кризис». Я понимаю, что это кризис одновременно фундаментальных идей, основ цивилизации, культуры и сознания. В том числе моего сознания. Если мы сообразим это в личном и планетарном масштабе и соответственно перестроим умы, то род наш, может быть, уцелеет. Выживет и преобразится. Перестанет, например, род наш воровать нефть и газ, т.е., невозполнимые запасы, у собственных детей и внуков (на правнуков может и не хватить). Перестанет воровать в том случае, если вырученные от продажи нефти и газа финансы, перестанет проедать в развитых и переразвитых странах, а употребит на новые инновации, на поиски новых энергосберегающих, энергопроизводящих технологий. Если прекратят, наконец, объедаться и вооружаться ведущие силы рода человеческого. Тогда деньги перестанут быть отдельной субстанцией, где как в Божестве сущность совпадает с существованием. Где деньги – не самостоятельная реальность, являются не целью, а средством достижения одобренной моралью цели. Заработает закон соответствия цены и стоимости, чего мы никогда еще не наблюдали, но это отдельный разговор и мечта неэкономиста.

Такую идейную перековку сознания «с мечей на орала», старых мечей на новые орала, если она произойдет, можно будет смело называть самой замечательной инновацией за все время исторического бытия человека. Бытия и смысла его культуры и цивилизаций. Тогда еще одной новостью станет иное, чем прежде, объединение

культуры и власти, т.е., способности приводить к гармонии многообразные интересы, свободу человека и право другого, общественную необходимость и творчество.

Но, похоже, автор вторгся уже в область компетенции далеких грядущих поколений. Надеюсь и желаю им быть морально ответственными перед собой, современниками, перед детьми. Но пока еще мы сегодня живем во вчера, а значит, можно ждать новых мировых кризисов. А может быть, все же освоим новое сознание...